

ГЕОПРИРОДНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КИТАЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

***Аннотация:** в статье прослеживается взаимосвязь между географическими и природно-климатическими условиями Китая и формированием культурного кода китайской нации. В борьбе с паводками и наводнениями, в поиске способов управления водами рек и каналов народ Поднебесной выработал уникальную политическую и культурную модель развития.*

***Summary:** the article traces the mutual connection between China geographical and natural-climatic conditions and the formation of Chinese nation cultural code. During the struggle against floods, searching for the ways to manage rivers` and canals` water, Celestial Empire people have developed a unique political and cultural model of development.*

***Ключевые слова:** водные ресурсы, геоприродные детерминанты, Китай, культурный код, национальный характер.*

***Key words:** water resources, geo-natural determinants, China, cultural code, national character.*

Аллювиальные равнины в среднем и нижнем течении рек Янцзы и Хуанхэ рассматриваются китайскими историками как очаг зарождения древнекитайской цивилизации. Археологические находки и артефакты раннего этапа развития Древнего Китая подтверждают историческую концепцию

об изначальной локализации центра культуры местных этносов в бассейне реки Хуанхэ. Позднее, в период, начиная с эпохи Западная Цзинь (265–316 гг. н.э.) и до эпохи Южная Сун (1127–1279 гг. н.э.), происходило постепенное историческое перемещение этого центра на юг, в результате которого бассейн реки Янцзы занял доминирующее географическое положение в культуре китайских этносов. Каждое лето тихоокеанские муссоны приносят к рекам Хуанхэ и Янцзы обильные осадки, при этом дожди и тепло создают оптимальные погодные условия для занятия земледелием, ставшим экономической первоосновой развития материальной и духовной культуры Древнего Китая.

Обеспечивая тепло и осадки, необходимые для сельского хозяйства, ветры с Тихого океана одновременно представляют для него основную угрозу, вызывая чередование наводнений и засух. Борьба с этими стихийными бедствиями стала важной составляющей жизнедеятельности местного населения.

Попытки управлять водной стихией предпринимались уже на раннем этапе развития китайского общества, что нашло свое отражение в известнейшей мифе «Юй Великий умирят потоки» – (大禹治水). Самое первое изложение соответствующего мифологического сюжета сохранилось в гравировке 98 иероглифов на бронзовом сосуде Суй-гун (遂公盨) эпохи Западной Чжоу (1046–771 гг. до н.э.), где записана легенда о том, как во времена Великого Китайского потопа легендарный император Юй (около 2297 г. – 2197 или 2025 г. до н.э.) умирил неукротимую водную стихию, которая поглотила крестьянские поля и принесла огромный вред земледельцам. В этой борьбе Юю долгое время не удавалось преградить путь разливу водных потоков, после чего он решил отвести воды, прорыв канал в горе Лунмэнь, на что ему потребовалось ровно 13 лет. У Юя была карта с изображением всех рек Китая, руководствуясь которой он управлял

народом при строительстве дамб и каналов. Надпись на бронзовом сосуде Суй-гуна свидетельствует о том, что народные сказания о Юе Великом были широко распространены в Китае как минимум уже в эпоху Западной Чжоу, то есть более 3 000 лет назад [1, с. 24].

В наиболее почитаемом древнекитайском письменном источнике, входящим в конфуцианский свод классической литературы, трактате «Шуцзин» (书经) – «Каноне исторических документов», или «Шан Шу» (尚书) – «Почтенных писаниях», деяниям Юя по усмирению водной стихии уделено значительное внимание. Глава «Юй гун» (禹贡) из «Шуцзина» целиком посвящена описанию борьбы легендарного государя с водой. В частности, в главе повествуется о том, как Юй разделил территорию Китая на 9 провинций, и, исследовав уголья в каждой из них, планомерно отводил потоки вод в крупные реки, впадающие в море. Долгое время сюжет с Юем считался мифом, однако с развитием археологии появлялось все больше доказательств того, что Юй – не мифологический персонаж, а организованная им борьба народа с наводнениями носила характер масштабной государственной кампании и представляла собой абсолютно реальное историческое событие.

Великий Юй, усмиряя воды, не только решил проблему наводнений, но и заложил организационную модель раннекитайского государства. Управление крупномасштабным строительством системы каналов и дамб способствовало централизации власти и зарождению бюрократического аппарата. Образовалась логическая связь между гидротехническими работами крестьян и коллективным сознанием того, что «Поднебесная принадлежит всем», постепенно сформировавшая политико-культурный код Китая, основанный на понимании необходимости сосредоточения усилий для решения важных государственных задач. Конфуцианство возвело самоотверженность легендарного Юя в моральный идеал,

подчеркивая, что за 13 лет он ни разу не позволил себе отвлечься от борьбы со стихией, «трижды проходил мимо дома, но не зашел внутрь», создав духовный ориентир для правителей и управленцев последующих эпох [2, с. 19]. Способность управлять водами рек в глазах народа превратилась в атрибут политической легитимности, заложив основу концепции «искусный правитель прежде всего укрощает воды». И наоборот, неспособность контролировать водную стихию подрывала легитимность власти, что нашло отражение в культурной максиме: «вода может нести лодку, но может и опрокинуть ее» как метафоре отношений между народом и властью [3, с. 16].

Исторически значительным символом древнекитайского управления водной стихией является ирригационная система Дуцзяньянь (都江堰). В 256 году до н.э. с целью положить конец постоянным наводнениям на Чэндуской равнине местный правитель Ли Бин за 5 лет построил разветвленную сеть каналов для подачи воды на крестьянские наделы. После возведения этой сети обширные плодородные земли равнины Чэнду превратились в «государственную сокровищницу». Дуцзяньянь – единственный в мире древний бесшлюзовой водораспределительный комплекс, главной функцией которого является регулирование речного стока. Гениальная конструкция дамбы разделяет речные потоки на внутренние – для орошения, и на внешние – для дренажа, при этом скорость течения воды может искусственно регулироваться.

Дуцзяньянь служит людям более 2 200 лет, орошая земельные угодья площадью 28,6 тыс. квадратных км. В 2001 г. и в 2014 г. ирригационный комплекс внесен в перечень Всемирного наследия ЮНЕСКО и Всемирного наследия ирригационных сооружений соответственно [4, с. 134].

Приведенные примеры являются классическими образцами управления водной стихией в Древнем Китае. Регу-

лирование течения и направлений речных потоков продолжалось на протяжении всей истории китайской цивилизации. Древние правители рассматривали управление водными ресурсами как основу государственной стабильности. Успешная борьба с наводнениями считалась не только обязанностью властителя, но и символом добродетельного правления, становясь важным критерием для его исторической оценки.

В главе «Биография образцовых чиновников» (循吏列传) хроники «История империи Поздняя Хань» (后汉书) описывается, как в 69 году н.э. император направил Ван Цзина на усмирение реки Хуанхэ. Мобилизовав десятки тысяч человек и огромные средства, Ван Цзин выполнил поручение императора за один год, после чего река перестала причинять ущерб крестьянам 800 лет подряд, а сам чиновник вошел в историю. Многие из известных исторических личностей различных династий, – Бо Цзюйи, Су Ши, Фань Чжунъянь и др. оставили след в исторических хрониках именно благодаря совершенным подвигам в борьбе с наводнениями и при строительстве гидросооружений.

Необходимость управления водными потоками доминировала в патриархальном сознании китайского крестьянина, формируя локальную культуру крестьянской общины. Вода, как важнейший элемент земледелия, исторически была предметом длительных споров и конфликтов между жителями деревень. Те из них, кто использовал общий источник воды, устанавливали строгие правила водозабора и выбирали ответственного за распределение этого ресурса. Ответственный не только регулировал доступ к воде, но и организовывал противопаводковые мероприятия, создавая таким образом механизм управления малыми речными бассейнами, выходящий за рамки отдельных деревень [5, с. 72].

В условиях стабильности внешней среды соблюдение установленных норм становилось осознанным выбором, позволявшим избежать состояния «войны всех против всех» в

борьбе за воду. Осознание необходимости поддержания установившегося порядка естественным образом формировало в народе негласный консенсус. На основе конфуцианской иерархической системы, построенной на морали и ритуалах – «личжи» (礼制), постепенно превращалась в общепринятую идея, выраженная в словах Конфуция: «правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын — сыном». Подчинение порядку и соблюдение социальных норм постепенно стали общей культурно-психологической особенностью китайцев. Многие из традиционных ритуалов древности дошли до наших дней, включая уважение к старшим и сложные правила этикета в отношениях между поколениями.

Одновременно с культурным кодом нации в патриархальном китайском обществе постепенно формировался и культ водных божеств. Кроме общеизвестного царя драконов Лун-вана (龙王), сверхъестественными способностями наделялись и отдельные исторические личности, такие как Ли Бин, Цюй Юань, Ян Сы и Ма Юань, приобретая в народе статус покровителей водной стихии. Впоследствии эти персонажи получали официальные титулы от правителя, становясь утвержденными объектами государственного культа [6, с. 4]. В Китае сохранились многочисленные храмы Лун-вана, Юй-вана и другие культовые сооружения. В некоторых регионах до сих пор практикуются ритуалы поклонения водным божествам, такие как жертвоприношения царю драконов или гонки на лодках-драконах во время праздника Дуаньфу (端午节).

В ходе многовековой деятельности по управлению водными ресурсами древние китайцы накопили обширные знания, создали эффективные технологии, приобрели мудрость в борьбе с паводками и наводнениями. В философском трактате династии Хань (206 год до н. э. – 220 год н. э.) «Хуайнаньцзы Юань дао сюнь» (淮南子原道训) – «Разъяснение ради поучения» сказано, что «когда Юй усмирал реки, он

брал воду в учителя». Принцип «руководствоваться естественными условиями» (因势利导) всегда оставался ключевым правилом в водохозяйственной деятельности [7, с. 6]. В процессе преобразования окружающей среды предки современных китайцев осознали могущество природных сил и пришли к пониманию: лишь следуя естественному ходу перемен, а не противостоя ему, можно достичь наилучших результатов. Эта идея воплощена в философии Лао-цзы «Дао следует естественности» (道法自然).

Конфуцианцы во многом разделяли подобный подход к взаимодействию с природой. В конфуцианском каноне «Мэнцзы» (孟子) сказано: «не нарушай сроков земледелия – и зерна будет в избытке; не используй частые сети в прудах – и рыбы с черепахами станут неисчерпаемы; руби лес в положенное время – и древесины хватит без меры» [8, с. 17]. Именно благодаря ценностям китайской культуры – благоговению перед природой и уважению к ее законам, – плодородие земель сохранялось на протяжении 4 тыс. лет непрерывного земледелия, а китайская цивилизация продолжает процветать по сей день.

В мифологии многих древних народов мира присутствуют легенды о великих потопах. В «Ветхом Завете» описано, как Бог, увидев грехи человечества, пожалел о его создании и решил потопом уничтожить людей. Однако он предупредил Ноя и научил его построить ковчег для спасения. В мифе народности майя о потопе в конце Солнечной эры также содержится идея наказания людей за непочтение к богам. Отличие от «Ветхого Завета» состоит лишь в том, что миф майя описывает не единичное событие, а связывает потоп с цикличностью эпох – каждая Солнечная эра завершается уничтожением мира водой [9, с. 79].

Действительно, сюжет о Великом Юе, усмирившем потоп, принципиально отличается от мифов других народов. В китайской версии нет пассивного подчинения воле божеств,

вместо этого акцент сделан на активном использовании человеческой мудрости для победы над стихией. В отличие от фаталистического принятия природных сил, китайский миф воплощает непоколебимый дух сопротивления и идею преодоления трудностей человеческими усилиями, а не божественным вмешательством, нашло отражение в философской концепции китайского мыслителя конфуцианской традиции Сюнь-цзы: «человек способен покорить Небо» (人定胜天) [10, с. 307].

Следует отметить, что геоприродный фактор сыграл значительную роль в формировании национального характера китайцев. Так, в историческом памятнике Древнего Китая «Цзо чжуань: 4-й год правления Чжао-гуна» (左传 昭公四年) подчеркивается, что «государство, пережившее множество бедствий, укрепляет свои устои и расширяет границы; государство, не знавшее трудностей, теряет земли и гибнет» [11, с. 1248]. Для Китая природные вызовы объективно стали важным элементом формирования коллективной памяти, а борьба со стихией повлияла на специфику национальной идентичности. Так возникла культурная концепция «многочисленные бедствия укрепляют государство» (多难兴邦).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Сюй Жихуэй. Практика управления водными ресурсами Юя и формирование общности китайской нации / Сюй Жихуэй // Журнал Вэйнаньского педагогического института. – 2023. – Т. 38, № 9. – С. 21–26. – На кит. яз.: 徐日辉. 论大禹治水与中华民族共同体的实践[J]. 渭南师范学院学报, 2023, 38(09): 21-26.

2. Вэнь Сюэцю. Дух «усмирения потопа Великим Юем» и развитие концепции управления водными ресурсами в китайской национальной культуре: современная ценность / Вэнь Сюэцю // Культура воды. – 2022. – № 4. – С. 18–21. – На кит. яз.: 温雪秋. “大禹治水精神”与中华民族治水文化的内

涵发展及其当代价值[J]. 水文化, 2022, (04): 18-21.

3. Ван Баого. Критика теории главенства правителя Сюнь-цзы и концепции отношений «лодка и вода» между правителем и народом / Ван Баого // Журнал «Исторический ежемесячник». – 2004. – № 11. – С. 14–19. – На кит. яз.: 王保国. 评荀子的君本论和君民“舟水”关系说[J]. 史学月刊, 2004, (11): 14-19.

4. Пу Ин, Гао Цзянь, У Ханьжэ. Вклад духовного содержания гидротехнического сооружения Дуцзяньянь в укрепление культурной уверенности / Пу Ин, Гао Цзянь, У Ханьжэ // Сычуаньские водные ресурсы. – 2024. – Т. 45, № 4. – С. 132–135. – На кит. яз.: 蒲颖, 高键, 吴寒若. 都江堰水利工程的精神内涵对坚持文化自信的贡献研究[J]. 四川水利, 2024, 45(04): 132-135.

5. Ши Говэй, Ин Лэй. От соперничества к совместному пользованию: вера в Царя драконов и водный порядок в сообществах родниковых зон / Ши Говэй, Ин Лэй // Вестник Северо-Китайского университета (Социальные науки). – [2025-02-20]. – С. 1–10. – На кит. яз.: 石国伟, 应蕾. 由争夺到共享: 泉域社会中的龙王信仰与水利秩序[J/OL]. 中北大学学报(社会科学版), 1-10[2025-02-20].

6. Ло Мэйцзе. Распространение культа водных божеств в Китае и национальная идентичность / Ло Мэйцзе // Форум Трех ущелий (Литературно-теоретическое издание). – 2018. – № 3. – С. 1–5. – На кит. яз.: 罗美洁. 中国水神崇拜的流播和国家认同[J]. 三峡论坛(三峡文学·理论版), 2018, (03): 1-5.

7. Ню Чжици. Экологическая философия и мудрость управления водными ресурсами и их использования в древнем Китае / Ню Чжици // Журнал «Хуанхэ. Хуанту. Хуанчжунжэнь». – 2024. – № 1. – С. 4–7. – На кит. яз.: 牛志奇. 中国古代治水用水的生态思想与智慧[J]. 黄河. 黄土. 黄种人, 2024, (01): 4-7.

8. Мэн-цзы. Предисл. Л. Н. Меньшикова. Пер. с китайского, указ. В. С. Колоколова / Под. ред. Л. Н. Меньшикова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. – С. 17.

9. Линь Мэнцзе, Чжан Жуй. Коллективная память и культурный код в мифах о потопе у майя и ханьцев: сравнительный анализ «Солнечной эры майя» и «Усмирения потопа Великим Юем» / Линь Мэнцзе, Чжан Жуй // Сравнительные исследования культурных инноваций. – 2024. – Т. 8, № 10. – С. 77–80. – На кит. яз.: 林梦婕, 张蕊. 玛雅和汉族洪水神话蕴含的集体记忆与文化基因——以玛雅“太阳纪末大洪水”与汉族“大禹治水”比照为例[J]. 文化创新比较研究, 2024, 8(10): 77-80.

10. Сюнь-цзы. Тянь лунь (О небе) // Сюнь-цзы: Собрание комментариев / Ван Сянь-цянь (ред.). – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1988. – С. 306–315. – На кит. яз. 荀子. 天论 // 荀子集解 / 王先谦 (注). – 北京: 中华书局, 1988, 306–315.

11. Ян Боцзюнь. Чуньцю Цзо чжуань чжу (Комментарии к «Хроникам Весны и Осени»). – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009. – С. 1248–1249. – На кит. яз.: 杨伯峻. 春秋左传注 (修订本) [M]. 北京: 中华书局, 2009, 1248-1249.